

**Рамиз Аббаслы**

**НИЗАМИ  
ГЯНДЖЕВИ  
ТЮРКСКИЙ  
ПОЭТ**

**Ramiz Abbasli**

**NIZAMI  
GANJAVI  
TURKIC  
POET**

Сегодня есть попытки приписывать Азербайджанского поэта Низами Гянджеви к персидской литературе. Иранские и некоторые зарубежные ученые пишут, что Низами этнически перс, писал на персидском языке и, соответственно, он персидский поэт, классик персидской литературы. Однако, это совершенно необоснованное мнение; это не наука, а псевдонаука: Низами Гянджеви к Персии, персидской литературе никакого отношения не имеет. Книга Азербайджанского писателя Рамиза Аббаслы “Низами Гянджеви тюркский поэт” посвящена этому вопросу. Р. Аббаслы в свойственной ему манере, исходя исключительно из неопровержимых фактов, доказывает, что Низами Гянджеви тюркский поэт.



There are currently efforts to attribute the Azerbaijani poet Nizami Ganjavi to Persian literature. Iranian and some foreign scholars contend that Nizami is ethnically Persian, wrote in Persian, so he is a Persian poet, a classic of Persian literature. However, this is a completely unfounded opinion; it is not science, but pseudoscience: Nizami Ganjavi has nothing to do with Persia or Persian literature. The Azerbaijani writer Ramiz Abbasli's book «Nizami Ganjavi the Turkic Poet» is dedicated to this topic. R. Abbasli, in his characteristic manner, based solely on irrefutable facts, proves that Nizami Ganjavi is a Turkic poet.

**Ramiz Abbasli NIZAMI GANJAVI TURKIC POET**  
**Рамиз Аббаслы НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ ТЮРКСКИЙ ПОЭТ**

Baku, Qanun Publishing House, 2021, 88 p.

Size: 120x185 mm

Cover: paperback

Signed for printing: 26.11.2021

Corrector: Bela Zakirova

Text design: Aytac Abdul

Cover design: Rafael Qasim

Azerbaijan, AZ 1102

Baku, Tbilisi - avenue 76

Tel.: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18

Mob.: (+994 55) 212-42-37

e-mail: info@qanun.az

[www.qanun.az](http://www.qanun.az)

[www.fb.com/Qanunpublishing](https://www.facebook.com/Qanunpublishing)

[www.instagram.com/Qanunpublishing](https://www.instagram.com/Qanunpublishing)

ISBN 978-9952-38-027-9

© Ramiz Abbasli, 2021

© Qanun Publishing House, 2021

*Посвящается 880-летию  
Низами Гянджеви.*



**НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ  
ТЮРКСКИЙ ПОЭТ**



**В** 2021 году отмечается 880-летие Азербайджанского поэта Низами. Этот год объявлен годом Низами Гянджеви. В родном городе Низами Гянджеви, в Гяндже, где он родился и прожил всю свою жизнь, возведен мавзолей; в Баку, Санкт-Петербурге, Риме и других городах установлены памятники поэту... Так и должно быть: Низами – великий поэт, такие люди принадлежат всему человечеству. Вопрос не в том, что Низами азербайджанский поэт, Пушкин – русский, а Шекспир – английский. Главное то, что в истории человечества были такие люди. И, казалось бы, все просто и ясно.

Но, заглянув в авторитетные энциклопедии мира, сталкивался с неразберихой. В Большой Советской Энциклопедии написано, что Низами Гянджеви – азербайджанский поэт, писал на пер-



сидском языке. В Большой Российской Энциклопедии написано то же самое: Низами Гянджеви – азербайджанский поэт, писал на персидском языке. А в энциклопедиях Брокгауза и Британника написано, что Низами Гянджеви – классик персидской литературы.

Персидская литература в XII века? Простые люди это понимают так: в XII веке было какое-то персидское государство, а Низами Гянджеви родился, вырос и творил в этом государстве, то есть был подданным этой Персии и, как талантливый человек, сделал многое для процветания литературы своего государства, поэтому авторитетные энциклопедии современного мира пишут: Низами Гянджеви – классик персидской литературы. Но, к сожалению, в XII веке государства Персия не было. Персия (государство Сасанидов), к литературе которой хотят приписывать Низами, распалась в 650 году нашей эры. Когда родился Низами, прошло 500 лет после распада Персии, и он никакого отношения к этому государству не имел. Тогда возникает вопрос: что за мания приписывать известных поэтов и ученых к несуществующим древним государствам, к которым эти люди никакого отношения не имели? А если так, тогда надо обсуждать и вопрос о принадлежности Низами Гянджеви к литературе Скифского царства, Мидии, Мидии-Атропатены, Албании. Если

Албания в основном была самостоятельным государством, но иногда управлялась сасанидским наместником, а иногда – наместником хазарского кагана, то некоторые исследователи даже пишут, что Албания – то же самое, что и Хазария. Значит, Низами можно считать албанским и хазарским поэтом. Можно было бы обсуждать и вопрос о принадлежности Низами Гянджеви к арабской литературе: он – арабский поэт, писал на персидском языке. Это выглядело бы более правдоподобно и намного лучше, потому что если Низами не имеет никакого отношения к Персии с ее зороастризмом, то у него много общего с Арабским Халифатом: он исповедовал религию арабского пророка, который и был основателем Арабского Халифата, учился в арабской школе, где учеба велась на арабском языке, писал арабскими буквами в арабской манере – справа налево...

А если быть точнее, то Низами не персидский и не арабский поэт, он Арранский (это название Северного Азербайджана) поэт, писал на персидском языке.

Низами родился, вырос и творил в Сельджукской империи. Он поэт тюркского государства Сельджукидов. В этом плане следует особо отметить энциклопедию “Britannica”, которая дает четкую информацию о месторождения Низами Гянджеви (Nizami Persian language poet, born c.

1141, Ganja, Salcuq Emperie – “Низами персоязычный поэт, родился в городе Гяндже Сельджукской империи”). Правильно, ни слова о Персии. Если в XII веке не было Персии, то нельзя говорить и о ее литературе, созданной в XII веке. Было сельджукское государство, была страна Арран. Если за основу взять страну, то Низами – арранский поэт. А если определить Низами как представителя культуры какого-то государства, то он поэт тюркского государства Сельджукидов.

Большинство средневековых биографов Низами – Ауфи Садид-ад-дин (XIII век), Доулатшах Самарканди (XV век) и другие – указывают местом рождения поэта г. Гянджа. Но в XVIII веке в одной из рукописей “Искандер-наме” были обнаружены строки, где говорится:

“Хотя я затерян в море Гянджи, словно жемчужина,  
Но я из Кухистана”.

Исходя из этого, многие исследователи, не исследовав этот вопрос, стали писать, что Низами родом из иранского города Кум. Однако в конце тридцатых годов XX века советский востоковед Е. Бертельс доказал, что в других рукописях “Искандер-наме” этой строки нет, и по этому поводу писал: “В лучшей и старейшей из известных

мне рукописей Низами, принадлежащей Национальной Библиотеке в Париже, этой строки нет”. То есть, это всего лишь грубая фальсификация, – в то время такое бывало: писцы кое-что добавляли в основной текст. Многие исследователи этот факт учитывают – например, Francois De Blois и другие – и пишут, что эти строки поддельная вставка. А некоторым, как говорится, до лампочки, и они продолжают петь старую песню. В этом отношении нельзя не отметить отрицательную роль в низамиведении оксфордского профессора Джули Скотт Мейсами. Она везде и всюду повторяет одно и то же, видоизменяет эту ложь, на ее основе сочиняет другие сказки и со своими частыми “вероятно”, “предположительно” пишет, что Низами из иранского Кума, если даже он родился в Гяндже, то его родители из иранского Кума и, соответственно, он перс, персидский поэт и т.п. Она представляет авторитетный Оксфордский Университет, но как-то очень странно цепляется за эту подделку, тиражирует ее везде и всюду и, то ли преднамеренно, то ли по незнанию, наносит ущерб имиджу Оксфорда. Получается, что вся ложь о Низами формируется в Оксфордском Университете. Даже непонятно, почему сам Оксфорд молчит?

Мейсами и ее сторонники стараются во что бы то ни было отнять, оторвать Низами от родного

очага и народа, вылепить из него персидского поэта и передать Ирану.

В XII веке Персии, как государства, не было – это ясно как дважды два четыре. А может быть, была страна Персия? Но чтобы называть всю Переднюю Азию Персией – как страну – необходимо, чтобы, во-первых, персы как этнос составляли подавляющее большинство населения этого края и, во-вторых, чтобы их язык – новоперсидский – играл роль средства общения (*lingua franca*) между другими этносами, населяющими регион.

В XII веке персы стали национальным меньшинством не только в Передней Азии – и в период рассвета персидского государства Сасанидов персы как этнос не составляли большинства населения этого края, – но даже в самой колыбели персов, в Персиде (провинция Парс в современном Иране); и это было связано с двумя великими историческими событиями: арабским нашествием в VII веке и установлением власти тюрок, начиная с X века.

После распада Персии арабы хлынули на вновь завоеванные земли Халифата. Этническая карта Передней Азии сильно изменилась. Арабы пришли, везде и всюду установили свою власть, стали хозяевами, ввели свою религию, обычаи и порядки. Арабы ввели и свой язык; это было весьма и весьма серьезно, потому что арабский был не

только государственным языком великой империи, но и языком священной книги новой религии – ислама. Арабский стал основным языком и в системе образования: в мектебах и медресе обучение велось исключительно на арабском языке. Персидский язык попал в очень неблагоприятное положение: его притесняли, самим персам он нужен был только в быту. Все, в том числе и сами персы стали писать на арабском языке. Персия – в XII веке такого государства не было, не было и такой страны. Передняя Азия арабизировалась, ее культурный облик стал другим. Сознание людей, их отношение к окружающему миру стали другими, и они создавали новый мир, новую культуру. Поэтому глубоко ошибаются те, кто пишет, что, якобы, Низами и другие поэты того времени возрождали культуру исчезнувшей Персии (с ее зороастризмом и персидским правлением; в принципе возродить-то было нечего), у которой не было ни одного достойного внимания поэта, тогда как в соседних Греции и Риме процветали литература и наука.

Низами не был поэтом несуществующей Персии и никогда не занимался возрождением культуры зороастрийской Персии; он был человеком нового времени, подданным совершенно другого государства и занимался созданием новой культуры. Идеологическую базу этой культуры состав-

ляла новая религия – ислам. Передняя Азия освободилась от оков зороастризма, она воспрянула духом, и начался процесс создания новой культуры. Одним из создателей этой культуры был и Низами Гянджеви.

Уместно было бы отметить и то, что в тридцатых годах XII века Сельджукская империя начала ослабляться... Но прежде чем завершить эту мысль, необходимо упомянуть взаимосвязь государства и культуры. А это имеет две стороны: зависимость государства от культуры и зависимость культуры от государства. Тематика нашей статьи такова, что в данное время мы можем затрагивать только вторую сторону вопроса.

Итак, зависимость культуры от государства. Такая зависимость есть и всегда была. В XII веке, в условиях монархической власти государство было основным покровителем искусства. Правда, культура не была частной собственностью тюркского султана. Но он создавал условия для развития искусства, поощрял выдающихся представителей искусства.

Носителем и творцом письменной культуры – литературы – является образованный человек. Чтобы получить образование, надо учиться. А где учиться? Если нет хороших школ и университетов, невозможно получить хорошее образование.

При Сельджукидах университетов не было. Были только мектеби (начальные школы) и медресе (общеобразовательные школы). Мектеби были и раньше, а медресе появились при сельджукидах. Караханидский правитель Тамгач-хан дал указание о создании медресе, которое стало бы местом собрания людей науки и религии и включало в себя мечеть, а также учебные классы. Наряду с религиозными науками там преподавались философия, история, литература, математика, физика, астрономия, медицина и т.д. Педагоги в медресе получали жалование. Студенты обеспечивались жильем и питанием; они занимались с утра до вечера, днем им давали перерыв для обеда. В медресе не было места разгильдяям, надо было как следует заниматься. В современных университетах студенты так не занимаются.

Низами учился в медресе образца XII века и, как добросовестный, трудолюбивый и очень одаренный человек, был первым среди товарищей-сокурсников. Занятия в медресе велись на арабском языке. Персидский язык преподавали как иностранный, и это тоже было нововведением Сельджукидов. Они реформировали старую систему образования. В этом плане Низами повезло. Сплав всестороннего образования, трудолюбия и редчайшего таланта – вот что сделало Низами непревзойденным. Но как бы талантлив



он ни был, без хорошего образования он не стал бы “богом среди поэтов”. Если бы не были реформы Сельджукидов в системе образования, Низами получил бы неплохое образование в мектебе и стал бы просто хорошим поэтом, но не гением. Реформы Сельджукидов в системе образования дали хорошие результаты: Передняя Азия подарила человечеству великих ученых, философов и поэтов, одним из которых является азербайджанский поэт Низами Гянджеви.

Сегодня есть попытки приписывать Низами к персидской литературе, даже пишут, что якобы он возрождает древнеперсидскую культуру. Персия, которая распалась в середине VII века н.э., не создавала условия для процветания поэзии. В этом отношении она была похожа на бесплодную женщину. Сельджукиды же создавали условия для развития литературы, они были очень плодотворны: они породили Низами – он их родной сын, воспитывали его, дали хорошее образование, поощряли, одним словом, сделали для него все. Родная мать ни за что не отдаст своего сына чужой женщине. Эта афера не пройдет.

Для того чтобы представить Низами персидским поэтом, известные профессора именитых университетов ссылаются на автора XIII века Киракоса Гандзасеки. Киракос в своей книге пишет, что в Гяндже живет “много людей, выходцев

из Ирана, и немного христиан”. Исходя из этого, известные профессора сделали вывод: в XII веке в Гяндже было очень много персов и Низами тоже перс, значит, он персидский поэт. Казалось бы, даже правдоподобно. Но этот вывод совершенно неправильный. Во-первых, сообщение Киракоса относится ко второй половине XIII века (свою книгу он завершил в 1265 году), а Низами родился в первой половине XII века, точнее в 1141 году. Разница составляет 124 года и никак нельзя утверждать, что за это время состав населения был постоянным; этнический состав, безусловно, должен был измениться, и изменился.

Но не только этническая картина изменилась, сама Гянджа стала совершенно другой. Гатран Табризи (поэт XI века) пишет, что Гянджа – это Рай. А в XIII веке Гянджа уже стала Адом; в 1225 году город был оккупирован хоразмшахом Джалал ад-Дином, а в 1231 году Гянджу захватили монголы. Город был разрушен, сожжен, превращен в руины. Поэтому Гянджу XII века и Гянджу XIII века нельзя сравнивать. Только псевдочеловек способен на такое. Если в 1265 году в Гяндже было “много персов” (а такой информации вообще нет, они сами сочиняют это), то это не означает, что в 1141 году там тоже было “полно персов”. Во-вторых, Киракос не пишет, что в

Гяндже было полно персов, в его сообщении нет слова о персах. Речь идет о людях, выходцах из Ирана. Ни сейчас, и ни восемь столетий назад население Ирана не состояло исключительно из персов. Иран был и остается многонациональной страной; там жили и живут персы, арабы, турки, евреи, греки, индийцы, китайцы и др. Как известно, этнический состав региона сильно изменился в результате двух великих событий: в VII веке в регион хлынули арабы, а начиная с X века, на эту территорию хлынули тюркские племена с востока и северо-востока. Захват города Джалал ад-Дином и монголами сильно повлияло на все. Кто теперь сможет ответить на вопросы: каков был этнический состав населения, о котором писал Киракос? Кто были эти “выходцы из Ирана”? Сколько арабов, турков, греков, евреев, китайцев, персов было среди этих “выходцев из Ирана”? Были ли среди них персы? Скорее всего, персов не было...

Сейчас нет возможности точно ответить на эти вопросы. Интересно, почему же известные профессора сделали такой поспешный вывод? Почему сообщение Киракоса они трактуют неправильно (якобы, Киракос сообщал, что когда родился Низами, в Гяндже было полно персов)? Почему они не учитывают сообщения арабских историков, географов и путешественников XI и XII веков, которые, в отличие от Киракоса, дают

более конкретную и точную информацию об этническом составе населения Гянджи и Аррана (Северного Азербайджана) в целом? (Мимоходом отметим, что они пишут: “Арран кишмя кишит туркменами”, “Гянджа туркменский город”).

Эти профессора должны были учитывать и то, что свою книгу Киракос писал в период монгольского нашествия. А один из главных путей передвижения монгольских войск с востока на запад пролегал, в основном, южнее Каспия, через территорию современного Ирана. Монгольские войска очень жестоко обращались с мирным населением, поэтому те, у кого была возможность, спасая себя и близких, бежали подальше от главного района передвижения захватчиков к перифериям в поисках более безопасных мест. Одним из таких относительно безопасных мест был Арран.

В то время, то есть в середине XIII века, в Северном Азербайджане было много беженцев, а Киракос, говоря “много людей, выходцев из Ирана” как раз имел в виду именно их. Но при этом он не сообщает об этнической принадлежности этих “выходцев из Ирана”. Это были не местные люди, они были пришельцами из Ирана, их было много, поэтому их отличали от коренного населения и называли иранцами. Какой смысл коренного гянджинца называть иранцем? Арран же не Иран. А

выходцем из Ирана мог быть любой: тюрк, араб, еврей, грек... Хотя не исключено, что среди них были и персы. Вероятно, было и несколько персов. А может быть, не было ни одного перса.

Вот так очередной фокус псевдоученых разваливается как карточный домик. Вообще-то, все их аргументы при первом же более или менее логичном подходе всегда разваливаются, потому что они не ученые, а псевдоученые. А, как известно, псевдоученый не ищет истину, а хочет доказать свою субъективную точку зрения.

В поэме “Лейли и Меджнун” Низами пишет: “Мадери-мен Раисейи-горд”. Некоторые переводчики переводили это как “моя мать курдианка”. А если этот перевод, то есть “моя мать курдианка” обратно переводить на персидский язык, то получается “Мадери-мен курдест”, Но есть и более точные переводы, а там слово “курдианка” заменено словосочетаниями “курдова госпожа” или что-то вроде “курдова драгоценность”. В этом разделе поэмы Низами рассказывает о смерти своей матери, о своем горе, а в самом конце просит, чтобы ему дали вина. Там же он упоминает отца своего Юсифа, но ничего не говорит о его этнической принадлежности. Если Низами был намерен описать свою генеалогию, и “Мадери-мен Раисейи-горд” означает, что моя мать курдианка,

то почему же он ничего не говорит об этнической принадлежности своего отца? В принципе, он должен был начать именно с этого; но, конечно, если был намерен описать свою генеалогию.

Испокон веков на Востоке, особенно после принятия ислама, роль мужчины в обществе и семье была доведена до абсолюта, а женщина стала почти незаметной, и национальность определялась исключительно по отцовской линии; официальное имя Низами – по современным критериям, по паспорту – Абу Мухаммад Ильяс ибн Юсиф ибн Заки ибн Муайяд. Мухаммед – это сын поэта, Ильяс – его собственное имя, Юсиф – имя отца, Заки – его дед по отцовской линии, а Муайяд – прадед. В этой генеалогической цепочке упоминаются имена пяти представителей рода Низами, и неизвестно, кто они по национальности.

Ни один биограф Низами этим вопросом всерьез не интересовался, никто не попытался внести хотя бы чуточку ясности в эту путаницу. Хотя этот вопрос все время был, как говорится, на повестке дня. Но вместе того, чтобы решить проблему, ее превратили в объект спекуляции. Со временем же эта путаница обросла все новыми изощренными, но вместе с тем смехотворными и глупыми мифами. А при желании можно было что-то делать;

как правильно говорится в одной поговорке: из совсем, казалось бы, безвыходного положения есть минимум два выхода.

Низами нигде не говорит об этнической принадлежности деда Заки и отца Юсифа. Но он говорит о своем тюркстве (Не признают моего тюркства...), обращаясь же к своему сыну Мухаммеду, называет его тюркским отпрыском (Господи, пощади, сохрани моего тюрчонка). У него нет строк, где бы так же отчетливо говорилось о его связи с курдами или с персами. Разве этого недостаточно для тех, кто, десятилетиями переливая из пустого в порожнее, делает вид, что якобы исследует биографию и творчество Низами Гянджеви? Если сам Низами говорит о своем тюркстве, если своего сына он называет тюркским отпрыском, то и он сам тюрк, его отец Юсиф, дед Заки и прадед Муайяд – тоже тюрки; одним словом, в этой генеалогической цепочке все тюрки.

Оказывается, все очень просто и ясно. Говоря “Мадери-мен Раисейи-горд”, Низами не был намерен описать свою генеалогию и уточнить вопрос о своей национальной принадлежности. А если бы он был намерен указать хотя бы этническую принадлежность своей матери, то он просто написал бы “Мадери-мен курдест”, – а это можно было однозначно переводить как “Моя мать курдианка”. А “Мадери-мен Раисейи-горд”

нельзя четко переводить и уверенно сказать, что это означает “Моя мать курдианка”. Спросите у любого простого перса, неграмотного пастуха или садовода, даже персидского филолога с университетским образованием, что означает “Мадери-мен Раисейи-горд”? Но не говорите им, что эта цитата из поэмы “Лейли и Меджнун” Низами Гянджеви, которую некоторые переводчики переводят как “Моя мать курдианка”. Они задумаются и, не найдя правильного ответа, отрицательно покачав головой, скажут: мы не знаем, что это такое. Тогда вы задайте им другой вопрос: “А как сказать – моя мать курдианка?” Они, улыбаясь – поскольку вопрос очень простой, – скажут: “Мадери-мен курдест”. При желании можно и продолжать обсуждение – что сделал и я – с носителями персидского языка: “А вы знаете, почему я задаю вам такие вопросы? Дело в том, что “Мадери-мен Раисейи-горд” – это цитата из поэмы “Лейли и Меджнун” Низами Гянджеви. Некоторые переводчики это переводят как “моя мать курдианка”. Но и это не повлияет на ситуацию, носители персидского языка продолжат выражать свое недоумение и скажут: “Мы не знаем, почему переводчики так делают? Это же неправильно!” – Носитель языка, тем более филолог по профессии, наверняка лучше знает свой родной язык, чем кто-либо другой,



пусть он даже профессор какого-то очень авторитетного западного университета.

Низами просто хотел рассказать о смерти своей матери. При этом он использовал словосочетание “Раисейи-горд”. Но возникает вопрос: что означает “Раисейи-горд”? Это не однозначное указания на этническую принадлежность матери поэта. Это просто метафора, которую можно трактовать по-разному.

Знаток персидского языка, известный востоковед Е. Бертельс словосочетание “Раисейи-горд” переводит как “курдова госпожа”. А почему “госпожа” и почему именно “курдова”? Какое значение могло иметь это для Низами, который родился и вырос в Гяндже? Курдова госпожа... По сообщению самого поэта, он сам и его родители не были богатыми людьми, аристократами они тоже не были; аристократы свой насущный хлеб не зарабатывают вышиванием; это адский труд, надо было всем семейством сидеть и, не покладая рук, вкалывать с утра до вечера. Откуда же взялась “госпожа” в простой семье?

По критериям того времени, мать Низами не была госпожой, она была простой женщиной. Низами был сыном бедной семьи. Даже став известным поэтом, он не разбогател. Трудное материальное положение не дало возможности молодому человеку своевременно жениться – если нет де-

нег, как быть иначе? – и создать семью; он разменял уже четвертый десяток, а ходил холостяком. Это было даже неприлично, и самому поэту было стыдно, поэтому при первой же возможности он сразу устранил это несоответствие. Если бы ему не подарили рабыню Афак, его холостяцкая жизнь, наверняка, продолжалась бы до неопределенного времени. Чтобы жениться на рабыне, денег не надо было, просто надо было освободить ее от рабства и сказать, что я на тебе женюсь.

Все было просто, и Низами поступил именно так. Сын аристократа и уже известный поэт, тем более перс (ведь известные профессора не унимаются и пишут, что, мол, Низами перс, он персидский поэт), который гордился аристократическим происхождением своей матери, никогда в жизни не женился бы на рабыне-тюрчанке – это исключается. Откуда же взялась курдова госпожа в простой семье вышивальщиков, в Гяндже? Были ли он в Гяндже вообще?

Да, конечно, были. Нельзя забывать, что более ста лет (970 – 1075 гг.) Гянджа была резиденцией Гянджинского Эмирата, государства курдской династии (речь идет о правящей курдской династии, а не о курдском государстве) Шеддадидов. Более века население Гянджи своими глазами видело этих господ, наблюдало за ними, запоминало какие-то их особенности – манеру одеваться,

говорить, вести себя в обществе и семье и т. п. А потом все это, передаваясь из уст в уста, стало приятным образом, хорошим примером для сравнения. Мать Низами была простой женщиной, но чем-то напомнила этих госпож, а сам поэт был горд этим и упомянул ее именно так: курдова госпожа. В Азербайджане это в порядке вещей: человека крутого и прямолинейного по характеру называют лезгином, очень пунктуального человека называют немцем; типично городскую и стройную женщину, которая элегантно одевается и обязательно носит шляпу, называют английской леди, красивую и пышную телом женщину называют рязанской бабой, по характеру властную женщину называют Екатериной... Сейчас так. А девять веков назад были другие критерии, для сравнения существовали другие образы. Но при этих сравнениях национальная принадлежность человека никакого значения не имеет, и таких примеров очень много, а все это находит свое отражение и в художественной литературе; например, в романе азербайджанского писателя И. Шихлы “Неукротимая Кура” есть персонаж – Русский Ахмед, который вовсе не русский. Его так называют только потому, что этот Ахмед носил русскую шапку.

Если учитывать все это, тогда получается, что “Раисейи-гюрд” – “курдская госпожа” – всего лишь метафора, а метафора не может быть понята в

прямом смысле, однозначно переводить ее тоже нельзя. Поэтому такие слова и словосочетания не могут быть аргументами для научных выводов. Низами – великий поэт, его язык богат аллегориями, образами, метафорами; его очень трудно переводить, а однозначно трактовать порой почти невозможно.

Допустим, “Раисейи-горд” – не метафора, и Низами хочет напрямую сказать, что его мать курдианка. Да, конечно, и эту версию надо обсуждать, – кто знает, может быть, он действительно хочет подчеркнуть, что по материнской линии он курд.

Как уже было отмечено, на Востоке, в мусульманском мире этническая принадлежность человека определялась по мужской линии. А девять столетий назад это было аксиомой и обсуждению не подлежало. Поэтому слова “Мадери-мен Раисейи-горд” означает, что только отец матери Низами, то есть дед поэта по материнской линии курд. Но здесь нет информации о бабушке поэта с материнской стороны, поэтому мы можем сказать, что мать Низами наполовину курдианка, – по-другому не получается. Кто был мужем этой полукурдианки? Этого тоже мы не знаем, поскольку сам поэт только упоминает имя своего отца, а о его этнической принадлежности ничего не говорит. И, продолжая рассуждать таким образом (кто были бабушка и дедушка поэта, его прабабушка

и прадедушка и так далее) мы все больше и больше усложняем вопрос – поскольку хотим решить одно уравнение со многими неизвестными, а такие уравнения, как правило, не имеют однозначного решения. И вскоре убеждаемся, что таким методом невозможно получить даже десятипроцентной доли курдской крови в жилах Низами. А нам надо было проверять насколько правдоподобно высказывание некоторых профессоров, которые, основываясь на словах “Мадери-мен Раисейигорд”, однозначно утверждают, что азербайджанский поэт Низами Гянджеви курд. Но, извините, десятипроцентной или одной десятой доли – даже сама это доля очень сомнительна – слишком мало для точного определения этнической принадлежности человека. А как быть с остальной, абсолютно подавляющей долей, девяти десятых?..

Очень унижительно обсуждать подобные вопросы. Но это обсуждение началось давно, а мы попали в такую ситуацию поневоле, и постановка вопроса такова, что, как ни крути, все выходит унижительно. Но уже пора выходить из этой грязной игры, а эту нелюбезную полемику я завершу с цитатой из архива Российской Академии Наук: “Выяснить этническую принадлежность каждого заслуживающего внимания автора, а потом расклассифицировать их по разным литературам – не такая уж легкая задача, – во-первых, это было бы

невыполнимо, потому что данных об этнической принадлежности старых писателей у нас нет и, наверное, никогда не будет; во-вторых, это методично было бы порочно до самой крайности. Следовательно, мы строили бы литературу по признакам крови, по признакам расы...”

Низами писал на персидском языке. Да, это действительно так. Но в то время на обширной территории Сельджукской империи, куда входил Арран – Северный Азербайджан – в том числе и город Гянджа, родина Низами, которую арабские историки называли “матерью городов Аррана”, многие не-персы писали на персидском языке. Если во времена Арабского Халифата в Передней Азии все, даже персы, писали на арабском языке, то после распада Халифата и установления власти тюрков персидский язык, сильно изменившийся под воздействием арабского языка, начали преподавать в медресе. Занятия в медресе велись на арабском языке, но наряду с другими предметами, преподавали и персидский, как иностранный язык. А образованные люди того времени, как выпускники медресе, знали арабский и персидский языки. Хагани, например, как выпускник медресе, писал и на арабском, и на персидском. А Низами писал только на персидском языке. Но это не означает, что персидский язык в Арране рас-

пространялся, и дело дошло до того, что там даже литературу начали создавать на этом языке.

В Арране персидский язык не распространялся – это был всего лишь язык персоязычной этнической группы – и не имел никакого официального статуса даже в период расцвета Персидской Империи (государства Сасанидов). Это подтверждается историческими фактами. В V веке, когда Евангелие надо было переводить на один из распространенных в Арране языков, о персидском языке речи даже не было; Евангелие было переведено на гаргарский язык; гаргары – тюрки, они и сейчас под тем же названием (гаргары) живут в Казахстане и Туркменистане. Это и другие интересные факты отражены в книге “История Албании” албанского историка Моисея Каганкатвацая. Там же этот автор приводит еще другой интересный факт: в VII веке ни один образованный человек (чиновник, священник, дипломат...) не знал персидского языка. Персидский язык знал только католикос Албании Виро. А он этот язык изучал в шахской тюрьме, где ему пришлось провести в заключении 25 лет. А во время Арабского Халифата о распространении персидского языка в Арране и речи не могло быть. Потому что арабский язык – государственный язык Халифата и язык священной книги мусульман – стал доминировать везде и всюду.

Персидский язык никогда не был ведущим языком и в Передней Азии. При Ахеменидах ведущим официальным языком империи был арамейский (язык из семитской группы языков), а после завоеваний Александра Македонского ведущим языком региона стал греческий, но вместе с тем арамейский не утерял своего значения; греческий язык конкурировал не с персидским, а с арамейским языком. В Парфянском государстве же основными официальными языками были парфянский, греческий и арамейский. При Сасанидах статус персидского языка, безусловно, стал другим, но опять-таки арамейский язык сохранял свои позиции долгое время и поэтому он называется имперский арамейский. Около 1500 лет арамейский язык играл в Передней Азии ведущую роль. Персидский же не поднялся до такого уровня, и нельзя говорить о его повсеместном распространении в регионе. Яркий пример тому – Арран, Северный Азербайджан: персидский язык здесь был исключительно языком персоязычного этнического меньшинства.

К концу первого тысячелетия нашей эры, Арабский Халифат начал сдавать свои позиции. В регионе установилась власть тюрков. В отличие от арабов, они не преследовали инакомыслие; если сравнивать их с предшественниками (сасанидскими шахами и арабскими халифами), они были



более демократичны. Проводимая ими культурная политика была прогрессивной. Они проводили реформы в системе образования, в их время появилось медресе, которое давало образование на самом высоком уровне, – такого образования не дают даже самые известные университеты современности.

Носителем и создателем письменной культуры является образованный человек. А он эту культуру создает, как правило, на том языке, на котором учился. В мектебах – начальных школах – занятия проводились на арабском языке. После реформы сельджукидов в системе образования появились медресе – общеобразовательная школа, – одновременно в учебную программу был включен персидский язык. А это, по сравнению со его предшественником – среднеперсидским, – был почти новый язык; он был сильно арабизирован, его лексика на 70% состоялась заимствованных из арабского языка слов и словосочетаний. Это была смесь арабского (на две трети) и персидского (на одну треть) языков. Поэтому его называли новоперсидским языком; у этого языка было и еще одно название: арабо-персидский. Человек, знающий арабский, понимал этот язык, а студенты медресе легко осваивали его. Это был язык образованных людей, язык школярский, язык выпускников медресе, язык интеллектуалов. Необразованному

персу этот язык был непонятен. Потому что там было очень много арабских слов, а для простого перса – крестьянина, ремесленника – это была диковинка.

Если при Халифате в Передней Азии литература создавалась только на арабском языке, то при тюркских правителях появилась литература и на новоперсидском языке. Низами тоже писал на новоперсидском языке. Хотя он, как и Хагани, мог бы писать и на арабском. Но он довольствовался только этим новым языком, в своих трудах же не объясняет причину своего выбора. А мы не должны сделать поспешный вывод и говорить, что Низами был не арабом, а персом, поэтому стал писать на новоперсидском языке; если бы он был арабом, то обязательно писал бы на арабском. Зачем бы ему понадобилась эта смесь двух языков, язык школярский? Он бы имел свой язык и писал бы на нем – на арабском.

В своих произведениях сам Низами не пишет, что он араб или перс. Если бы он писал “не признают моего арабского, языка Корана, языка последнего пророка”, тогда можно было обсуждать вопрос – араб он или не араб. Если бы он писал “не признают моего персидского, языка Фирдоуси”, тогда было бы уместно обсуждать вопрос – перс он или нет. Но он пишет “не признают моего тюркства”, а это трактуется совершенно

однозначно. Поэтому нельзя говорить, что он был персом, персидским поэтом. В этом случае были бы непонятны не только действия самого Низами – персидский поэт (конечно, если бы он был персом) не мог писать “не признают моего тюркства”. Но интересно и совсем непонятно другое: а почему, исходя из этого, современные ученые делают несоответствующий вывод и пишут, что Низами персидский поэт? Почему персидский поэт (конечно, если бы Низами на самом деле был персом), мастер слова вместе того, чтобы написать “не признают моего персианства”, пишет совсем другое? Что он, с ума сошел, что ли? Он же умный, талантливый человек, персона публичная, то есть на виду у всех, и прекрасно знает, что нельзя играть с огнем; завтра люди скажут, видите ли, Низами черным по белому пишет “не признают моего тюркства”, значит, он не перс, а тюркок. Да и вообще, зачем такому умному и серьезному человеку заниматься такими пустяками, и будучи персом, писать непонятные вещи: “не признают моего тюркства”? Уму непостижимо!

Да, конечно, уму непостижимо. Но это не единственный случай. Представьте себе, Низами, будучи персом, великим персидским поэтом, называет своего родного сына тюркским отпрыском! Почему перс не называет сына персидским отпрыском, а поступая совершенно неадекватно,

даже аморально, называет его тюркским отпрыском? Я уже слышу ответ на свой вопрос: потому что его жена Афак – турчанка. Ну, господа, вы же совсем уничтожаете человека. Неужели вы думаете, что Низами был способен на такую низость и позволял себе называть своего сына ублюдком – незаконнорожденным? Да, именно так и получается: если перс своего сына не называл персом (нельзя забывать, что это было девять веков назад) или персидским отпрыском, то тем самым он намекал на то, что фактически не является отцом этого мальчика. А называя своего сына тюркским отпрыском, намекал на что-то другое: что отец этого мальчика – тюрк. Значит, получается, что персидский поэт Низами вроде формально признает, что Мухаммед его сын, – настоящее имя поэта Абу Мухаммад Иляс ибн Юсиф ибн Заки ибн Мукайяд – здесь “Абу Мухаммад” и означает, что у Низами есть сын и его имя Мухаммед. Но с другой стороны он каким-то непонятным образом своего сына называет “тюркским отпрыском”. Вопрос очень серьезный и даже нелицеприятный.

Но вместе с тем, у этого вопроса есть решение, притом, не одно, а два. Первое – что в семье Низами царила отвратительная и безнравственная атмосфера – будучи персом, он женился на турчанке, а у нее, у этой рабыни, оказывается, был любовник тюрк, отцом же ребенка является не

он – Низами, законный муж, а любовник Афак – тюрк.

Второе решение – следует признать, что Низами Гянджеви тюрк. Это решение уникально тем, что сразу решает все проблемы, связанные с Низами; становится ясно, как дважды два, почему поэт говорит о своем тюркстве и никогда не пишет о своем персианстве, почему он своего сына называет тюркским отпрыском, почему воспеваает тюрков и т.д.

Есть неопровержимые факты, связанные с жизнью и творчеством Низами их надо учитывать; учитывать и не трактовать превратно. Низами не родился в несуществующей Персии, он родился в тюркском государстве Азербайджанских Атабеков, в азербайджанском городе Гяндже; он пишет о своем тюркстве, но никогда не говорит о своем персианстве, в своих поэмах он воспеваает величие, доблесть, справедливость тюрков, своего сына он называет тюркским отпрыском... – Все это говорит о том, что Низами тюрк, он тюркский поэт, но свои стихи писал на персидском языке.

Низами писал на персидском – это факт. Но в средневековой Передней Азии многие не-персы писали на персидском языке. Сегодня псевдоученные заявляют, что на обширной территории Передней Азии не-персы, писавшие на персидском,

создавали персидскую литературу, – в этом отношении европейцы поступают по-другому.

После распада Римской империи на ее развалинах образовались десятки государств, для которых латынь долгое время, вплоть до XVIII века продолжала играть роль языка науки и литературы. Однако европейских ученых и поэтов, писавших на латинском языке, никто не зачисляет в список римских ученых и поэтов. По этой же причине не идут споры о том, например, Исаак Ньютон английский ученый или итальянский. Хотя, взяв пример с азиатов, итальянцы должны были бы бороться, чтобы отнять великого физика у англичан и присвоить ему титул итальянского физика по той простой причине, что Ньютон свои труды писал не на английском, а на латинском языке.

Я не могу сказать, кто прав: европейцы или азиаты. Но точно знаю, что и в Европе, и в Азии дважды два равно четырем. А если европейские ученые, которые у себя дома, в Европе, не ведут споры о том, кому принадлежат средневековые латиноязычные поэты и ученые – Римской империи или тем государствам, которые образовались на ее развалинах, – то по отношению к азиатским поэтам и ученым они поступают по-другому и действуют точь-в-точь, как современные иранские ученые. Яркий пример тому – известный поэт Низами Гянджеви. Тюркский по всем пара-

метрам поэт считается персидским только по той причине, что он писал на персидском языке.

С помощью языка человек выражает свое отношение – чувства и мысли – к окружающему миру. Поэт тоже человек, но иногда он выражает свое отношение к окружающему миру письменно. Есть поэты, которые пишут на двух языках; таким был Хагани, который писал на арабском и персидском языках. Есть поэты, которые пишут даже на трех языках; таким был и Физули, который писал на тюркском, арабском и персидском языках. Было бы смехотворно и даже глупо считать, что каждый раз, переходя с одного языка на другой, Физули то становился тюрком и писал на тюркском языке – создавал тюркскую литературу, то превращался в араба, создавая арабскую литературу, когда писал на арабском языке. А бывали моменты, когда все это ему надоедало, и он, превращаясь в перса, начинал писать стихи на персидском языке и создавал персидскую литературу. Это, как говорится, курам на смех.

Но, как ни странно, когда речь идет о Низами, некоторые ученые поступают именно так – и получается курам на смех. Уместно было бы напомнить известную поговорку: человеку прощается все, кроме глупости. Есть и хорошая русская поговорка: ребята, давайте без глупостей.

Главное в искусстве, в том числе и в литературе – чувства и переживания человека. А это имеет индивидуальную особенность, национальную окраску. Это чувствует каждый слушатель, зритель, читатель. И, кажется, все очень просто и ясно. Но, чтобы исследовать это, надо как следует разобраться в вопросах сознания, самосознания, национального сознания и национального самосознания, – а это очень сложно. Стоит только вспомнить слова немецкого философа Шеллинга: “Философия является историей самосознания”. Поэтому, не вдаваясь в подробности, попутно остановимся лишь на вопросе национального самосознания и отметим, что оно является ядром национального сознания.

Национальное самосознание – совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации или этноса, позволяющих воспринимать эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности.

Без национального самосознания нет литературы. А получилось так, что при исследовании творчества Низами – то ли преднамеренно, то ли по незнанию или это было просто упущение – этот важный момент не был учтен. Поэтому очень серьезный вопрос исследовался несерьезно, ненаучно.



В данное время спорным является вопрос: к литературе какого народа относится богатое наследие Низами, то есть кто он, персидский или тюркский поэт? А решение этой проблемы сводится к решению вопроса – кто же Низами по своему национальному самосознанию: тюрк или перс?

Образцом персидского поэта эпохи Низами Гянджеви является Фирдоуси. А сам-то Низами кто такой? Пока нет возможности ответить на этот вопрос, но можно делать это только путем сравнения Низами с Фирдоуси. Если Низами персидский поэт – версия иранских ученых и их сторонников, – то он должен соответствовать этим критериям. Фирдоуси – идеолог персидского национализма. При этом его национализм проявляет себя только в определенных условиях, а именно, когда речь идет о тюрках; при этом национализм Фирдоуси извергается как вулкан.

Персидский царь Ормузд IV (годы правления 579 – 590) был сыном сасанидского правителя Хосрова I Ануширвана и дочери Хазарского кагана. Породнились правители двух великих держав, а это принесло много пользы в первую очередь Персии: страна процветала, период правления Хосрова I Ануширвана считается “золотой эпохой” в истории Персии. Сын Хосрова же Ормузд, по сведениям современников, был хорошо обра-

зован, по характеру человек хороший, правитель справедливый. Но почему-то Фирдоуси ужасно ненавидел его; даже такое впечатление, что была бы возможность, он растерзал бы Ормузда. Интересно, откуда такая ненависть у персидского поэта к своему родному царю? Что он сделал, в чем провинился? Европейский оккупант Александр Македонский разрушил Персию, разграбил все ее богатства. В течение более двух столетий персидские правители Древней Персии, ограбив народы Азии, накопили несметное богатство, Александр захватил это богатство и все вывез в Европу; только для вывоза драгоценностей – слитков золота, серебра и драгоценных камней – понадобилась 10000 повозок и 5000 верблюдов. Александр захватил, разрушил и в пьяном состоянии вместе с греческой проституткой поджег священный город персов Персеполь, при пожаре сгорела священная книга персов “Авеста”... В истории персов такого оскорбления, унижения, осквернения не было, и все это сделал Александр Македонский. Это знал и Фирдоуси, однако не испытывал никакой ненависти к Искандеру, наоборот, симпатизировал ему, даже любил и все эти злодеяния прощал ему; считал – ну и что, Искандер же не чужой для персов человек, он им родня, двоюродный брат Дария, – а это чистая выдумка больного воображения. А бедный Ормузд ни Персии, ни персидскому наро-

ду ничего плохого не сделал. Но персидский поэт ужасно ненавидел его. Все же без серьезных причин такой ненависти не бывает. И, оказывается, причина была. Сам Фирдоуси объясняет причину своей ненависти:

*Отродье хаканово, семя в нем зла,  
И видом – как та, что его родила.*

Сколько вражды, отвращения и неприкрытой ненависти в этих словах! И весь этот поток вонючей гадости адресован тюркам! Мать Ормузда – тюрчанка, он из рода тюркского хакана, и, по мнению Фирдоуси, по этой причине в нем есть семя зла! Для Фирдоуси, то, что связано с тюрком, это зло, потому что, по его мнению, тюрк – источник и носитель зла. В каждом человеке есть какие-то черты той женщины, которая его родила. Безусловно, и Ормузд чем-то напоминал свою мать – тюрчанку. А Фирдоуси, пользуясь моментом, не упускает свой шанс, оскорбляет всех тюрчанок: все они, со всеми своими характерными чертами и внешним видом, ненавистны ему. Ормузд же ненавистен Фирдоуси только по той простой причине, что он чем-то похож на свою мать. По меркам того времени Ормузд – перс, потому что в то время этническая принадлежность человека определялась исключительно по отцов-

ской линии; он сын самого лучшего царя Персии, который правил страной около сорока лет и был хорошим царем, поэтому период его правления считается золотой эпохой. Оскорблять сына такого заслуженного человека, унижать только по той причине, что в его жилах есть доля тюркской крови; осквернять ни в чем не повинную женщину, дочь тюркского хакана, а в ее лице – всех тюрчанок! В лице Искандера Фирдоуси любит, обожает, восхваляет европейских оккупантов, которые ограбили Азию, разрушили государство персов, сожгли их священный город, главную резиденцию персидских царей, умышленно сожгли их священную книгу! И тот же Фирдоуси оскверняет перса, ничего плохого не сделавшего Персии и персидскому народу, только потому, что в его жилах есть доля тюркской крови. И это не единичный случай, дух “Шахнаме” пропитан ненавистью к тюркам. Фирдоуси был ярким тюркофобом.

Вот таким был истинно персидский поэт эпохи Низами Гянджеви. Это и есть тот образец, тот символ, сопоставляя с которым, мы должны определять, был ли Низами персидским поэтом?

Если Низами перс, персидский поэт, то он должен отвечать критериям персидского поэта своего времени, и поскольку он открыто пишет, что, как поэт, намного опережает своего предшественника – Фирдоуси, значит он должен был бы превосхо-

дить его и в персидском шовинизме и тюркофобии. Но, полистав книги Низами, каждый убеждается в другом: у него нет никакой ненависти к тюркам. У Низами нет никакой ненависти и к другим народам. Он любит тюрков, ими восхищается. Но он не делает это, как Фирдоуси, на фоне унижения, оскорбления и осквернения других народов. Если Фирдоуси – идеолог персидского национализма, то Низами – идеолог гуманизма, человечности, справедливости и равноправия всех народов и наций. Однако это не означает, что Низами какой-то робот, и что у него нет национального самосознания. Это свойственно ему, как и любому живому человеку. В качестве “мы” он берет ту группу людей, которые очень ненавистны Фирдоуси, то есть тюрков. Низами симпатизирует тюркам. “Симпатизирует” – не то слово, он их любит, восхищается ими и гордится; он воспекает их отвагу, героизм, красоту, справедливость и величие. Но он не противопоставляет тюрка персу и не пытается, восхваляя тюрка, одновременно унижать, оскорблять и осквернять перса. Он просто подчеркивает особые черты тюрков, и делает это в по-детски невинной манере – как будто сын рассказывает о заслугах родного отца. Если сын героя войны говорит о подвигах отца, что в этом плохого?

Красоту и великолепие природы Низами сравнивает с тюрком. Красивый цветок появляется на лугу так, как будто тюрк разбивает себе палатку на склоне горы. Солнце, восходя с востока, гордо и величаво, как тюркский султан, поднимается все выше и выше на небе, дает свет и жизнь всему миру. Для Низами самый прекрасный край, самая лучшая страна – это Тюркистан; самый справедливый правитель в мире – это тюркский правитель; если тюркский правитель несправедлив, он не тюрк. Если тюрчанка красива, то это так и должно быть, потому что некрасивой тюрчанки не бывает; если женщина другой нации красива, то потому, что она похожа на тюрчанку; если у какой-то женщины красивые глаза, улыбка и осанка, то это так, потому что ее глаза, улыбка и осанка напоминают глаза, улыбку и осанку тюрчанки... Обращаясь к Искандеру, он пишет: если ты покорил Индию и Китай, то ты тюрк в греческом шлеме (головном уборе); обращаясь же к мусульманскому пророку Мухаммеду, пишет: ты такой великий и бесподобный, не может быть, чтобы ты был арабом, ты – тюрк в арабском одеянии (дословно: ты араб только на вид, вся твоя суть – тюрк)... В этом списке нет только Бога, которого Низами не сравнивал с тюрком. А он этого не делал только потому, что его религия – ислам – не разрешает сравнивать человека с Богом.

Если Низами Гянджеви был персом, то почему он не проводил все эти сопоставления и сравнения с персом? Я думаю, все очень просто и ясно. Если так, то и я завершу эту полемику. Но в заключение приведу цитату известного востоковеда Ю. Марра: “Неизменный образ тюрчанки, как поэтический символ женской красоты; многочисленные афористические выражения, языковые обороты, характерные именно для тюркского (азербайджанского) фольклора, народного языка, многие прямые указания и намеки самого поэта – все это обличает в Низами азербайджанского поэта, говорит о глубоких корнях его творчества. Недаром представители персидской интеллигенции, филологи признают, что Низами – не персидский поэт, он жил и работал в азербайджанской среде, и стихи его непонятны персу”.





*Dedicated to the 880th anniversary  
of Nizami Ganjavi.*



**NIZAMI GANJAVI**  
**TURKIC POET**



The year 2021 marks the 880th anniversary of the Azerbaijani poet Nizami. This year has been declared the year of Nizami Ganjavi. A mausoleum has been erected in Nizami Ganjavi's hometown in Ganja, where he was born and lived all his life, and monuments to the poet have been erected in Baku, St. Petersburg, Rome and other cities... So it should be: Nizami is a great poet, such people belong to all mankind. The question is not that Nizami is an Azerbaijani poet, Pushkin is a Russian poet and Shakespeare is an English poet, the main thing is that there were such people in the history of mankind. And it would seem that everything is simple and clear. But having looked into the authoritative encyclopedias of the world, I was confused. The Great Soviet Encyclopedia says that Nizami Ganjavi was an Azerbaijani poet who wrote in Persian. The Great

Russian Encyclopedia says the same thing: Nizami Ganjavi was an Azerbaijani poet, he wrote in Persian. And the Brockhaus and Britannica encyclopedias say that Nizami Ganjavi is a classic of Persian literature.

Persian literature in the twelfth century? Ordinary people understand it this way: there was some kind of Persian state in the XII century, and Nizami Ganjavi was born, grew up and created in that state, i.e. he was a subject of that Persia and, as a talented man, did much for the flourishing of the literature of his state, so authoritative encyclopedias of the modern world write: Nizami Ganjavi is a classic of Persian literature. But, unfortunately, there was no such state - Persia - in the twelfth century. Persia (the state of the Sassanids), to whose literature they want to attribute Nizami, collapsed in 650 AD. When Nizami was born, it was 500 years after the collapse of Persia, and he had nothing to do with that state. Then the question arises: what is the mania to attribute famous poets and scholars to non-existent ancient states, which these people had nothing to do with? And if so, then we must also discuss the question of Nizami Ganjavi's belonging to the literature of the Scythian Kingdom, Midian, Midian-Atropatene, Albania. If Albania was mostly an independent state, but sometimes ruled by a Sasanian viceroy, sometimes by a viceroy of the Khazar Kagan; some researchers even write that Albania is the same as Khazaria. So, Nizami could be

considered an Albanian and Khazar poet. One could also discuss whether Nizami Ganjavi belonged to Arabic literature: he was an Arab poet, he wrote in Persian. It would look more plausible and much better, because if Nizami had nothing to do with Persia with its Zoroastrianism, he had much in common with the Arab Caliphate: he professed the religion of the Arab prophet, who was also the founder of the Arab Caliphate, he studied in an Arab school, where studies were conducted in Arabic, wrote in Arabic letters in the Arab manner - from right to left... And to be more precise, Nizami is neither a Persian nor an Arab poet, he is an Arranian (the name of Northern Azerbaijan) poet who wrote in Persian. Nizami was born, grew up and created in the Seljuk Empire. He is a poet of the Seljukid Turkic state. In this regard, the encyclopedia "Britannica" should be particularly noted, which gives clear information about a birthplace of Nizami Ganjavi (Nizami - Persian language poet, born c. 1141, Ganja, Seljuk Empire): Nizami is a Persian-speaking poet, born in the city of Ganja of the Seljuk Empire. That's right, not a word about Persia. If there was no Persia in the twelfth century, one cannot speak of its literature created in the twelfth century. There was a Seljuk state, there was the country of Arran. If we take the country as the basis, then Nizami is an Arranian poet. And if we define Nizami as a representative of

the culture of some state, he is a poet of the Seljuqid Turkic state.

The majority of medieval biographers of Nizami - Aufi Sadid-ad-din (XIII century), Daulatshah Samarkandi (XV century) and others - indicated Ganja as the poet's birthplace. But in XVIII century one of manuscripts of "Iskandar-nama" was found the following lines:

"Though I am lost in the sea of Ganja like a pearl,  
But I am from Kuhistan".

On this basis, many researchers, without investigating this issue, began to write that Nizami hails from the Iranian city of Qom. However, in the late thirties of the XX century, the Soviet orientalist E. Bertels proved that in other manuscripts of "Iskander-nama" this line does not exist, and so he wrote: "In the best and oldest manuscripts of Nizami known to me, belonging to the National Library in Paris this line does not exist". That is, it is just a gross falsification - it happened at that time: the scribes added something to the main text.

Many researchers take this fact into account - for example, Francois De Blois and others - write that these lines are a fake insertion. And some, as they say, don't care and keep singing the old song. In this respect, one cannot help but note the negative

role of Oxford professor Julie Scott Meisamy in the nizamification. She repeats the same thing everywhere, modifies this lie, makes up other tales on its basis, and with her frequent “probably”, “supposedly” writes that Nizami is from the Iranian Qom, even if he was born in Ganja, his parents are from the Iranian Qom and, accordingly, he is a Persian, a Persian poet, etc. She represents a reputable Oxford University, and somehow even strangely caught on to this forgery, replicates it everywhere, and either deliberately or out of ignorance is damaging Oxford’s image. It turns out that all the lies about Nizami are formed at Oxford University. It is not even clear why Oxford itself is silent? Meisamy and her supporters are trying by all means to take Nizami away, to tear him away from his native land and people, to mold him into a Persian poet and hand him over to Iran.

There was no Persia as a state in the twelfth century-this is as clear as two times two is four. Or maybe there was a country of Persia? But in order to call the whole of Front Asia Persia - as a country - it is necessary that, firstly, the Persians as an ethnic group constituted the vast majority of the population of this region and, secondly, that their language - the New Persian language played the role of a means of communication (*lingua franca*) between the other ethnic groups inhabiting the region.



In the twelfth century, the Persians became a national minority not only in Front Asia - and at the dawn of the Persian Sassanid state, the Persians as an ethnic group did not constitute the majority of that region - but even in the very cradle of the Persians, in Persia (Pars province in modern Iran) and this was connected with two great historical events: the Arab invasion in the VII century and the establishment of Turkic power from the X century on.

After the collapse of Persia, the Arabs poured into the newly conquered lands of the Caliphate. The ethnic map of Front Asia changed dramatically. The Arabs came, established their power everywhere, became masters, introduced their religion, customs and orders. The Arabs also introduced their language; this was very, very serious, because Arabic was not only the state language of the great empire, it was also the language of the holy book of the new religion - Islam. Arabic became the main language in the educational system as well: in mektebs (basic schools) and madrassahs (higher-level schools), education was conducted exclusively in Arabic. The Persian language fell into a very unfavorable position: it was oppressed, and the Persians themselves needed it only in everyday life. Everyone, including the Persians themselves, began to write in Arabic. Persia - in the XII century there was no such state, no such country either. The Front Asia was arabized, and its

cultural image became different. The consciousness of people, their attitude to the world around them, became different, and they were creating a new world, a new culture. That is why those who write that Nizami and other poets of that time allegedly revived the culture of the vanished Persia (with its Zoroastrianism and Persian rule; in principle, there was nothing to revive), which had not a single poet worthy of attention, while literature and science were flourishing in the neighboring states of Greece and Rome, are deeply mistaken. Nizami was not a poet of a non-existent Persia, nor was he engaged in reviving the culture of Zoroastrian Persia; he was a man of new times, he was a subject of an entirely different state, and he was engaged in creating a new culture. The ideological basis of this culture was the new religion, Islam. The Front Asia was freed from the shackles of Zoroastrianism, it was rejuvenated and the process of creating a new culture began. Nizami Ganjavi was one of the creators of this culture.

It would also be appropriate to note that in the thirties of the XII century the Seljuk Empire began to weaken... But before concluding this thought, it is necessary to mention the relationship between state and culture. And this has two sides: the dependence of the state on culture and the dependence of culture on the state. The topic of our article is such that at this

time we can only touch upon the second side of the question.

So, the dependence of culture on the state. There is and always has been such a dependence. In the 12th century, under the conditions of monarchical power, the state was the main patron of art. True, culture was not the private property of the Turkic sultan. But he created conditions for the development of art, encouraged outstanding representatives of art.

The bearer and creator of written culture - literature - is an educated person. In order to be educated, one must study. And where to study? If there are no good schools and universities, one cannot get a good education. Under the Seljuks there were no universities. There were only mektebs (elementary schools) and madrasahs (secondary schools). Mektebs existed before, but madrasahs were established under the Seljuks. Karakhanid ruler Tamgach-khan instructed to create a madrasah, which would be a meeting place for people of science and religion, and would include a Mosque and classrooms, and would teach philosophy, history, literature, mathematics, physics, astronomy, medicine, etc. along with the religious sciences. The madrasah teachers were paid wages. The students were provided with lodging and meals; they studied from morning till evening, and had a break for lunch in the afternoon. There was no room for slackers in madrasahs, one had to study

properly. That's not the way students study in modern universities. - Nizami studied in madrassah, sample of XII century, and as a conscientious, hardworking and very gifted man was the first among his fellow students. Classes in madrassah were conducted in Arabic. Persian was taught as a foreign language and this too was an innovation of the Seljukids. They reformed the old system of education. In this respect Nizami was lucky. The fusion of comprehensive education, diligence and rare talent is what made Nizami unrivaled. But no matter how talented he was, without a good education he would not have become "a god among poets. Had there not been Seljukid reforms in the educational system, Nizami would have received a good education in a mekteb and would have become just a good poet, but not a genius. The Seljukid reforms in the educational system produced good results: The Front Asia gave mankind great scientists, philosophers and poets, one of whom is the Azerbaijani poet Nizami Ganjavi.

Today there are attempts to attribute Nizami to Persian literature, even writing that he supposedly revived ancient Persian culture. Persia, which collapsed in the middle of the VII century A.D., did not create the conditions for poetry to flourish. In this respect she was like a barren woman. The Seljuks, on the other hand, created conditions for the development

of literature; they were very prolific: they gave birth to Nizami - he was their own son, brought him up, gave him a good education, encouraged him, in a word, did everything for him. A native mother would never give her son to a strange woman. This scam will not work.

To make Nizami a Persian poet, renowned professors of eminent universities refer to the 13th century author Kirakos Gandzaseki. Kirakos in his book writes that in Ganja live “many people, natives of Iran, and a few Christians”. On the basis of this, the famous professors concluded that there were many Persians in Ganja in the 12th century and Nizami was also a Persian, which means he was a Persian poet. It would seem even plausible. But this conclusion is completely wrong. Firstly, the message of Kirakos refers to the second half of the XIII century (his book was completed in 1265), and Nizami was born in the first half of the XII century, more precisely in 1141. The difference is 124 years and there is no way to claim that during this time the composition of the population was constant; the ethnic composition must certainly have changed and has changed. Not only the ethnic picture has changed, Ganja itself has become completely different. Gatran Tabrizi (poet of the XI century) wrote that Ganja is Paradise. But in the XIII century Ganja became Hell. In 1225 the city was occupied by Khwarazshah Jalal al-Din and

in 1231 Ganja was occupied by Mongols. The city was destroyed, burned, turned into ruins. Therefore, Ganja of the XII century and Ganja of the XIII century cannot be compared. Only pseudo-scientists are capable of such a comparison. If in 1265 there were “many Persians” in Ganja (and there is no such information, they make it up themselves), it does not mean that in 1141 it was “full of Persians”. Secondly, Kirakos does not write that Ganja was full of Persians, there is no word about Persians in his message. We are talking about people from Iran. Neither now, nor eight centuries ago, did the population of Iran consist exclusively of Persians. Iran was and remains a multinational country; Persians, Arabs, Turks, Jews, Greeks, Indians, Chinese, and others have lived there. It is known that the ethnic composition of the region was greatly altered by two great events: the Arabs poured into the region in the 7th century, and from the 10th century onwards Turkic tribes poured into the territory from the east and from the northeast. The capture of the city by Jalal al-Din and the Mongols greatly affected everything. Now who will answer the questions: what was the ethnic composition of the population that Kirakos talks about? Who were these “natives of Iran”? How many Arabs, Turks, Greeks, Jews, Chinese, and Persians were among these “natives of Iran”? Were there Persians among

them? Most likely there were no Persians... Now there is no way to answer these questions accurately. I wonder why the famous professors made such a hasty conclusion? Why do they interpret Kirakos's report incorrectly (allegedly, according to Kirakos's report, when Nizami was born, Ganja was full of Persians)? Why don't they take into account the report of Arabian historians, geographers and travelers of the XI and XII centuries who unlike Kirakos give more concrete and exact information about ethnic composition of Ganja and Arran (Northern Azerbaijan) in general? (In passing we note that they write: "Arran is crawling with Turkmens", "Ganja is a Turkmen city"). These professors should have taken into account the fact that Kirakos wrote his book at the time of the Mongol invasion. And one of the main ways the Mongol armies moved from east to west was mainly south of the Caspian Sea, through the territory of modern Iran. The Mongol troops were very cruel to the civilian population, so who had the opportunity, saving themselves and their loved ones, fled far away from the main area of movement of the invaders to the peripheries in search of safer places. One such relatively safe place was Arran. At that time, that is, in the middle of the XIII century there were many refugees in Northern Azerbaijan, and Kirakos, saying "many people, natives of Iran" just meant them.

But he does not report the ethnic composition of these people, “immigrants from Iran. They were not local people, they were aliens from Iran, there were many of them, so they were distinguished from the indigenous population and called Iranians. What is the point of calling a native Ganja an Iranian? Arran is not Iran. And a native of Iran could be anyone: Turk, Arab, Jew, Greek... But it is possible that there were Persians among them. There were probably several Persians. Or maybe there were no Persians at all. - So, another trick of the pseudo-scientists fails like a house of cards. Actually, all their arguments always fail at the first more or less logical approach, because they are not scientists, but pseudo-scientists. And, as you know, a pseudo-scientist is not looking for the truth, he/she wants to prove his/her subjective point of view.

In the poem “Leili and Majnun,” Nizami writes: “Maderi-men Raisei-gord. Some translators have translated this as “my mother is Kurdish. And if this translation, i.e. “my mother is Kurdish” is translated back into Persian, you get “Maderi-man Kurdest” But there are more accurate translations, and there the word “Kurdish” is replaced by the phrase “Kurdish lady” or something like “Kurdish jewel”. In this section of the poem, Nizami tells of his mother’s death, of his grief, and at the very end asks to be given wine. There he also mentions his



father Yusif, but says nothing about his ethnicity. If Nizami was intent on describing his genealogy and “Maderi-men Raisei-gord” means that my mother is Kurdish, why does he say nothing about his father’s ethnicity? In principle, that’s where he should have started; but, of course, if he intended to describe his genealogy. Since time immemorial in the East, especially after the adoption of Islam, the role of men in society and the family was brought to the absolute, and women became almost invisible and nationality was determined exclusively by paternal lineage; the official name of Nizami is Abu Muhammad Ilyas ibn Yusif ibn Zaki ibn Muayyad, according to modern criteria, in his passport. Muhammad is the poet’s son, Ilyas is his own name, Yusif is his father’s name, Zaki is his paternal grandfather, and Muayyad is his great-grandfather. In this chain of genealogy, the names of five representatives of the Nizami clan are mentioned and it is not known who they are by nation. Not a single biographer of Nizami was seriously interested in this issue, no one tried to bring at least a little bit of clarity to this confusion. Although the question has always been on the agenda, as they say. But instead of solving the problem, it was turned into an object of speculation. Over time, this confusion has become overgrown with more and more elaborate, but also ridiculous and silly myths. And if one wanted to, one could do something; as one proverb correctly

says: there are at least two ways out of a seemingly hopeless situation.

Nizami nowhere speaks about the ethnicity of his grandfather Zakiyya and father Yusif. But he speaks about his Turkism (Do not recognize my Turkism...), addressing his son Mohammed, he calls him a Turkic offspring (Lord, have mercy, save my little Turk); he has no lines that would so clearly talk about his connection with the Kurds or the Persians. Isn't it enough for those who for decades, pouring nothing into nothing, pretend to study the biography and works of Nizami Ganjavi? If Nizami himself talks about his Turkic origin, if he calls his son a Turkic offspring, he himself is a Turk, his father Yusif, his grandfather Zaki and great grandfather Muayyad are Turks too, in a word, in this genealogical chain everyone is a Turk. - It turns out that everything is very simple and clear.

By saying "Maderi-men Raisei-gord", Nizami did not intend to describe his genealogy and clarify the question of his nationality. And if he had intended to specify at least the ethnicity of his mother, he would have simply written "Maderi-man Kurdest," which could be unambiguously translated as "My mother is Kurdish. And "Maderi-men Raisei-gord" cannot be clearly translated and confidently said to mean "My mother is Kurdish." Ask any ordinary Persian, not a literate shepherd or gardener, even a university-educated Persian philologist, what "Maderi-man

Raisseyi-gord” means? But don’t tell them that this quote is from the poem “Leili and Majnun” by Nizami Ganjavi and some translators translate it as “My mother is Kurdish. They will think about it, and without finding the right answer, they will shake their heads in the negative and say: we don’t know what it is. Then you ask them another question, “How do you say my mother is Kurdish?” They, smiling - since the question is very simple - will say, “Maderi man kurdist.” If you wish, you can also continue the discussion - which I did - with native Persian speakers: “Do you know why I ask you these questions? The fact is that “Maderi-men Raisei-gord” is a quote from the poem “Leyli and Majnun” by Nizami Ganjavi. Some translators translate it as “my mother is Kurdish.” But even that doesn’t make a difference; native Persian speakers continue to express their bewilderment and say, “We don’t know why translators do that? It’s not right!” - A native speaker, especially a philologist by profession, probably knows his native language better than anyone else, even if he is a professor at some very reputable Western university.

Nizami simply wanted to tell about the death of his mother. In doing so, he used the phrase “Raissei-Gord”. But the question arises: what does “Raissei-gord” mean? It is not an unambiguous reference to the ethnicity of the poet’s mother. It is simply a metaphor, which can be interpreted in different ways.

A connoisseur of the Persian language, the famous orientalist E. Bertels translates the phrase “Raiseyigord” as “Kurdish lady”. But why “lady” and why “Kurdish”? What meaning could it have for Nizami, who was born and grew up in Ganja? Kurdish lady... According to the poet himself, he and his parents were not rich people, they were not aristocrats either; aristocrats did not earn their daily bread by embroidery, it was a hellish work, the whole family had to sit and work hard from morning till night. Where did the “mistress” come from in a simple family? By the criteria of that time, Nizami’s mother was not a mistress, she was a simple woman. Nizami was the son of a poor family. Even after becoming a famous poet, he did not become rich. The difficult financial situation did not allow the young man to get married in time - if there was no money, how else could there be? - He was in his fourth decade, but he was still a bachelor. It was even indecent and the poet was ashamed of himself, so at the first opportunity he immediately eliminated this discrepancy. If he had not been given the slave girl Afak, his bachelor life would probably have continued indefinitely. You did not need money to marry a slave girl, you just had to free her from slavery and say I will marry you. - It was simple, and Nizami did just that. The son of an aristocrat and a famous poet, let alone a Persian (well-known professors do not hold back and write that

Nizami was a Persian, he was a Persian poet), who was proud of his mother's aristocratic background, would never marry a Turk slave girl - this is excluded. But where did a Kurdish lady come from in a simple family of embroiderers, in Ganja? In fact, were they ever in Ganja? Yes, of course they were. We must not forget that for more than one hundred years (970-1075) Ganja was the residence of Ganja Emirate of the state of Kurdish dynasty (we mean the ruling Kurdish dynasty, not the Kurdish state) of the Shaddadids. For more than one century people of Ganja saw these madams with their eyes, watched them, remembered some their features such as manner of dress, speech, behavior in the society and family, etc., and then all this, passing from mouth to mouth, became a good example for comparison. Nizami's mother was a simple woman, but she reminded these ladies in some way, and the poet himself was proud of it and referred to her in this way: a Kurdish gentlewoman. - In Azerbaijan, this is the order of the day: a cool and straightforward man is called a Lezgin, a very punctual man is called a German; a typical urban and slender woman, who dresses elegantly and wears a hat, is called an English lady, a beautiful and lush body is called a Ryazan woman, an imperious woman is called Catherine... - in character. That's the way it is now. And nine centuries ago there were other criteria, there were other images for comparison. But in such

comparisons, a person's nationality does not matter and there are many such examples, and all this is reflected in fiction as well; for example, in the novel of Azerbaijani writer I. Shikhli "The Indomitable Kura" there is a character - Russian Ahmed, who is not Russian at all. He is so called only because this Ahmed wore a Russian hat. - If we take all this into account, then it turns out that "Raisiyi-gord" - "Kurdish madam" is just a metaphor, and a metaphor cannot be understood in a direct sense, it cannot be translated unambiguously either. Therefore, such words and phrases cannot be arguments for scientific conclusions. Nizami is a great poet, his language is rich in allegories, images, metaphors; it is very difficult to translate it, and sometimes it is almost impossible to interpret it unambiguously.

Let's assume that "Raisiyi-Gord" is not a metaphor, and Nizami wants to say directly that his mother is Kurdish. Yes, of course, and this version should be discussed - and who knows, maybe he really wants to emphasize that on his mother's side he is Kurdish.

As already noted, in the East, in the Muslim world, a person's ethnicity was determined by the male line. And nine centuries ago it was an axiom and not subject to discussion. That's why the words "Maderi-men Raisiyi-gord" means that only Nizami's mother's father, i.e. the poet's grandfather on his mother's side was Kurdish. But there is no

information about the poet's maternal grandmother here, so we can say that Nizami's mother was half-Kurdish - there is no other way around it. Who was the husband of this half-Kurdish woman? We do not know that either, as the poet himself only mentions the name of his father, and does not say anything about his ethnicity. And continuing to reason in such a way (who were the grandparents, and who were the poet's great-grandparents and so on) we complicate the question more and more - as we want to solve one equation with many unknowns, and as a rule, such equations cannot be solved uniquely - and soon we are convinced that by this method it is impossible to get even ten percent of Kurdish blood in Nizami's veins. And we had to check how plausible is the statement of some professors, who, based on the words "Maderi-men Raisei-gord", unequivocally claim that the Azerbaijani poet Nizami Ganjavi is a Kurd. But, excuse me, ten percent or one tenth - even that fraction itself is very doubtful - is too little for an accurate determination of a person's ethnicity. And what about the rest, the absolutely overwhelming share of nine-tenths? - It is very humbling to discuss such questions. But this discussion began a long time ago, and we got into this situation willy-nilly, and the formulation of the question is such that, no matter how you look at it, everything comes out humiliating. But it is already time to get out of this dirty game,

and I will conclude this unflattering polemic with a quote from the archive of the Russian Academy of Sciences: “To find out the ethnic affiliation of each noteworthy author and then classify them into different literatures is not such an easy task - first, it would be impossible, because we have no data on the ethnicity of old writers and probably never will; and second, it would be methodically vicious to the extreme. Consequently, we would build literature on the basis of blood, on the basis of race...”

Nizami wrote in Persian. Yes, that is indeed true. But at that time in the vast territory of the Seljuk Empire, which included Arran - Northern Azerbaijan - including the city of Ganja, the birthplace of Nizami, which Arab historians called “the mother of cities of Arran”, many non-Persians wrote in Persian. If during the Arab Caliphate in Front Asia everyone, even Persians wrote in Arabic, then after the collapse of the Caliphate and the establishment of Turkic power Persian, which has changed a lot under the pressure of Arabic language, began to be taught in madrassah. Classes in madrasah were conducted in Arabic, but along with other subjects, Persian was also taught as a foreign language. And the educated people of that time, as graduates of madrasah, knew Arabic and Persian. Khagani, for example, as a madrasah graduate, wrote in both Arabic and Persian. Nizami



wrote only in Persian. But this does not mean that the Persian language was spreading in Arran and it went so far that even literature began to be created there in this language.

The Persian language did not spread in Arran - it was only the language of a Persian-speaking ethnic group - and had no official status, even during the dawn of the Persian Empire (the Sassanid state). This is confirmed by historical facts. In the V century, when the Gospel had to be translated into one of the languages widespread in Arran, the Persian language was out of the question; the Gospel was translated into Gargarian; Gargars are Turks, they still live in Kazakhstan and Turkmenistan with the same name (Gargars). This and other interesting facts are reflected in the book "The History of Albania" by the Albanian historian Moses Kagankatvatsiy. The same author gives another interesting fact: in the 7th century not a single educated person (an official, a priest, a diplomat...) knew the Persian language. The Persian language was known only to the Catholicos of Albania Viro. And he learned this language in the Shah's prison, where he had to spend 25 years of his life as a prisoner. And during the Arab Caliphate, the spread of the Persian language in Arran was out of the question. Because Arabic, the state language of the Caliphate and the language of the Muslim holy book, became dominant everywhere.

Persian has never been the dominant language in the Front Asia either. Under the Achaemenids the leading official language of the empire was Aramaic (a language of the Semitic group of languages), and after the conquests of Alexander the Great the leading language of the region became Greek, but Aramaic did not lose its importance; Greek competed not with Persian, but with Aramaic. In the Parthian state, however, the main official languages were Parthian, Greek, and Aramaic. Under the Sassanids the status of Persian certainly became different, but again Aramaic retained its position for a long time and that is why this language is called imperial Aramaic. For about 1,500 years, Aramaic played a leading role in the Front Asia. The Persian language did not rise to such a level, and we cannot speak of its ubiquity in the region. A striking example of this is Arran - Northern Azerbaijan: the Persian language was exclusively the language of the Persian-speaking ethnic minority.

By the end of the first millennium AD, the Arab Caliphate began to give up its positions. The power of the Turks was established in the region. Unlike the Arabs, they did not persecute dissent; compared with their predecessors (the Sassanid Shahs and the Arab Caliphs), they were more democratic. Their cultural policies were progressive. They carried out reforms in the system of education, in their time appeared madrassah, which gave education at the highest level,

such education is not given even by the most famous universities of our time.

An educated person is the bearer and creator of written culture. And he creates this culture, as a rule, in the language in which he studied. In mektebs, elementary schools, classes were conducted in Arabic. After the Seljukid reforms, the madrasahs - secondary schools - appeared in the educational system, and the Persian language was included in the curriculum at the same time. In comparison with its predecessor, Middle Persian, it was almost a new language, strongly Arabized, with the vocabulary of 70% of words and phrases borrowed from Arabic. It was a mixture of Arabic (two-thirds) and Persian (one-third). That is why it was called the New Persian language; this language had another name: Arab-Persian. A person who knew Arabic could understand this language, and the students of madrasah easily mastered it. It was the language of educated people, the language of schoolboys, the language of madrasa graduates, the language of intellectuals. The uneducated Persian could not understand it. Because there were so many Arabic words, and for an ordinary Persian - a peasant, a craftsman - it was a curiosity. While under the Caliphate in the Front Asia literature was created only in Arabic, under the Turkic rulers literature also appeared in the New Persian language. Nizami also wrote in the New Persian language. Although he, like

Khagani, could have written in Arabic as well. But he was satisfied with this new language only, and in his works he does not explain the reason for his choice. We should not jump to the conclusion that Nizami was not an Arab, but a Persian, and so he wrote in New Persian; if he had been an Arab, he would certainly have written in Arabic. Why would he need this mixture of two languages, a schoolboy's language? He had his own language, and he wrote in his own language - Arabic. Nizami himself did not write that he was an Arab or a Persian in his works. If he wrote "they do not recognize my Arabic, the language of the Koran, the language of the last prophet," then we could discuss whether he was an Arab or not. If he wrote "do not recognize my Persian, the language of Ferdowsi," then it would be appropriate to discuss whether he is Persian or not. He writes that "they do not recognize my Turkic", and this is interpreted quite differently and they say he was Persian, he is a Persian poet. Here it is not only Nizami's actions that are incomprehensible - a Persian poet (of course, if he was a Persian) writes: they do not recognize my Turkic origin, I wonder and do not understand another thing, and why on this basis modern scholars draw an inconsistent conclusion and write that Nizami was a Persian poet? Why a Persian poet (of course, if Nizami was really a Persian), a master of the word, instead of writing "don't recognize my

Persianism”, writes something else? Is he out of his mind? He is an intelligent, talented poet and, as they say, a public man, which means he is in full view of people and knows very well that one should not play with fire, tomorrow people will say, you see, Nizami writes in black and white, “They don’t recognize my Turkism”, so he is not a Persian, but a Turk. Actually, such a smart and serious man, why was he doing such trivia, and being a Persian, why does he write such incomprehensible things: “they don’t recognize my Turkic identity”? It is unbelievable! Yes, of course, it is incomprehensible. But this is not an isolated incident. Just imagine, Nizami, being a Persian, a great Persian poet, calls his own son a Turkic offspring! Why does a Persian not call his son a Persian offspring, but acting in a completely inadequate, even amoral way, calls him a Turkic offspring? I can already hear the answer to my question: because his wife, Afak, is Turkish. Well, gentlemen, you are completely destroying the man. Do you really think Nizami was capable of such baseness and allowed himself to call his son a bastard - illegitimate? Yes, that’s how it turns out: if a Persian doesn’t call his son a Persian (let’s not forget that it was nine centuries ago) or a Persian bastard, then he hints at the fact that he is not in fact the boy’s father. And by calling his son a Turkic offspring, he hints at something else: the father of this boy is a Turk. So it turns out that the Persian poet Nizami sort of formally

admits that Muhammad is his son - the poet's real name is Abu Muhammad Ilyas ibn Yusif ibn Zaki ibn Muqayyad - here "Abu Muhammad" means that Nizami has a son and his name is Muhammad. But on the other hand, he somehow incomprehensibly calls his son a "Turkic offspring". The question is very serious and even unflattering. At the same time, it has a solution, and not just one but two: either the Nizami's family was in a very bad and immoral situation - being Persian, he married a Turk, and she, that slave girl, had a Turk lover, and the father of the child was not he - Nizami, his lawful husband, but Turk - Afak's lover.

The second solution to the question is to admit that Nizami Ganjavi is Turkic. This solution is unique in that it immediately solves all the problems related to Nizami; it becomes clear as two times over why the poet talks about his Turkism and never writes about his Persianism, why he calls his son a Turkic offspring, why he chants about Turks, etc.

There are irrefutable facts related to Nizami's life and work that must be taken into account; taken into account and not misinterpreted. Nizami was not born in non-existent Persia, he was born in the Turkic state of the Azerbaijani Atabeks, in the Azerbaijani city of Ganja; he writes about his Turkism, but never talks about his Persianism, in his poems he praises the

greatness, valor, justice of the Turks, he calls his son a Turkic offspring... - All this shows that Nizami is a Turk, he is a Turkic poet, but he wrote his poems in Persian.

Nizami wrote in Persian - this is a fact. But in medieval Front Asia, many non-Persians wrote in Persian. Today pseudo-scientists claim that it was not the Persians writing in Persian who created Persian literature in the vast territory of the Front Asia--Europeans do things differently in this respect.

After the collapse of the Roman Empire, dozens of states were formed on its ruins, for which Latin continued to play the role of the language of science and literature for a long time, until the XVIII century. However, European scientists and poets who wrote in Latin are not included in the list of Roman scientists and poets. For this reason, there is no debate about whether, for example, Isaac Newton is an English scientist or an Italian. Although, taking an example from the Asians, the Italians had to fight to take away the great physicist from the British and give him the title of Italian physicist, for the simple reason that Newton wrote his works not in English, but in Latin. I can't say who is right: Europeans or Asians. But I know for sure that in both Europe and Asia, two times two equals four. And if European scientists who are at home in Europe do not argue about who

the medieval Latin-speaking poets and scientists belong to - the Roman Empire, or those states that were formed on its ruins - then they act differently in relation to Asian poets and scientists and act exactly like modern Iranian scientists. A vivid example of this is the famous poet Nizami Ganjavi. Nizami Ganjavi being by all parameters the Turkic poet is considered Persian only for the simple reason that he wrote in Persian.

With the help of language, man expresses his attitude - feelings and thoughts - to the world around him. A poet is also a man, but sometimes he writes poetry and expresses his attitude to the world around him in writing. There were poets who wrote in two languages; such was Khagani, who wrote in Arabic and Persian. There were poets who wrote even in three languages; such was Fizuli, who wrote in Turkic, Arabic and Persian. It would be ridiculous and very silly to think that every time Fizuli switched from one language to another, he either became Turkic and wrote in Turkic - created Turkic literature, or he turned into an Arab, created Arab literature and wrote in Arabic. And there were times when he got fed up with it all, and he turned into a Persian, started writing poems in Persian, and creating Persian literature - as they say, it's ridiculous. But strangely enough, when it comes to Nizami, some scholars do just that and it turns out to be a laughing stock. It would be



appropriate to recall a famous saying: everything is forgiven a man, except stupidity. There is also a good Russian saying: guys, let's not do anything stupid.

The main thing in art, including literature - feelings and experiences of a person. And this has an individual peculiarity, a national coloring. Every listener, viewer and reader feels it. And it all seems very simple and clear. But in order to explore this, you have to understand the issues of consciousness, self-awareness, national consciousness - and that is very difficult. It is worth recalling the words of the German philosopher Schelling: "Philosophy is the history of self-consciousness. Therefore, without going into detail, let us dwell only on the issue of national self-consciousness and note that it is the core of national consciousness.

National self-consciousness is a set of ideas, traditions and notions of representatives of a nation or ethnic group, allowing to reproduce this community of people as a whole and attribute each individual to this social integrity.

There is no literature without national consciousness. And it turned out that in the study of Nizami's work - whether deliberately, or due to ignorance, or simply because it was an omission - this important point was not taken into account. Therefore, a very serious issue was not studied seriously, not scientifically.

At this time it is debatable which nation's literature the rich heritage of Nizami belongs to, i.e. whether he is a Persian or a Turkic poet. And the solution to this problem boils down to the question of whether Nizami is a Turk or a Persian in his national identity.

The model of the Persian poet of the Nizami Ganjavi era is Firdousi. And who is Nizami himself? So far there is no way to answer this question, but one can only do so by comparing Nizami with Ferdowsi. If Nizami is a Persian poet - the version of Iranian scholars and their supporters - then he must meet these criteria. Ferdowsi is an ideologist of Persian nationalism. Moreover, his nationalism manifests itself only under certain conditions, namely when it comes to the Turks; at the same time, Ferdowsi's nationalism erupts like a volcano.

The Persian king Ormuzd IV (reigned 579 - 590) was the son of the Sassanid ruler Khosrow I Anushirvan and the daughter of the Khazar Kagan. The kinship of the rulers of the two great powers brought much benefit, first of all to Persia: the country prospered, the period of the rule of Khosrov I Anushirvan is considered a "golden era" in the history of Persia. According to the legend of his contemporaries, Khosrov's son Ormuzd was well educated, a good man by character and a just ruler. But for some reason, Ferdowsi hated him terribly; it even seems that if he had the chance, he would

have torn Ormuzd to pieces. I wonder where did the Persian poet get such hatred for his native king? And what did he do, what was he guilty of? The European invader Alexander the Great destroyed Persia and robbed it of all its wealth. For more than two centuries, the Persian rulers of ancient Persia, having robbed the peoples of Asia, had accumulated untold wealth, Alexander seized this wealth and exported everything to Europe; it took 10,000 carts and 5,000 camels just to export the jewels - ingots of gold, silver and precious stones. Alexander seized, destroyed and in a drunken state together with a Greek prostitute set fire to the sacred city of Persians Persepolis, the sacred book of Persians "Avesta" burned in the fire... - There was no such insult, humiliation, desecration in the history of Persians and Alexander the Great did it all. Firdausi knew it too, but he didn't feel any hatred towards Iscander, on the contrary, sympathized with him, even loved him and forgave him all these evil deeds; he thought that so what, Iscander was not a stranger for Persians, he was their relative, cousin of Darius - and this was a pure fiction of sick imagination. Poor Ormuzd has done nothing wrong neither to Persia, nor to the Persian people. And the Persian poet hated him terribly. Still, you can't hate him without a good reason. And, as it turns out, there was a reason. Ferdowsi himself explains the reason for his hatred:

The offspring of Hakan, the family in him is evil.  
And the species as the one that gave birth to him.

How much hostility, disgust, and unconcealed hatred are in these words! And all this stream of stinking filth is addressed to the Turks! Ormuzda's mother is Turkic, he is of Turkic khakan lineage, and according to Ferdowsi, for this reason he has a family of evil! For Ferdowsi that which is associated with Turk is evil, because in his opinion, Turk is the source and bearer of evil. Everyone has some trait of the woman who gave birth to him. Certainly, and Ormuzd reminded something of his mother, a Turk. And Ferdowsi, seizing the moment, does not miss his chance, insults all Turk women: all of them, with all their features and outward appearance are hated by him. Ormuzd is hated by Ferdowsi only for the simple reason that he resembles his mother in some way. By the standards of the time, Ormuzd is Persian, because at that time one's ethnicity was determined exclusively by one's father's line; he is the son of the best king of Persia, who ruled the country for about forty years and was a good king, so his reign is considered a golden era. To insult the son of such an honored man, to humiliate only because he has a share of Turkic blood in his veins; to desecrate an innocent woman, the daughter of a Turkic hakan, and in her

person all Turkic women! In the person of Iskander Ferdowsi loves, adores, praises the European invaders who robbed Asia, destroyed the state of the Persians, burned their sacred city, the main residence of the Persian kings, deliberately burned their sacred book! The same Ferdowsi desecrates a Persian who has done nothing wrong to Persia and the Persian people only because he has some Turkic blood in his veins. And this is not an isolated case, the spirit of “Shahnameh” is saturated with hatred of Turks. Ferdowsi was a fierce Turkophobe. - Such was the true Persian poet of Nizami Ganjavi’s time. This is the very model, the symbol against which we should determine whether Nizami was a Persian poet or not.

If Nizami is a Persian, a Persian poet, then he must meet the criteria of a Persian poet of his time and since he openly writes that as a poet he is far ahead of his predecessor - Firdausi and if so, then he must also surpass him in Persian chauvinism and Turkophobia. Having glanced through Nizami’s books, one becomes convinced of another: he doesn’t have any hatred toward Turks. Nizami doesn’t have any hatred of other peoples either. He loves and admires the Turks. But he doesn’t do it like Ferdowsi did, on the background of humiliating, insulting and desecrating other peoples. If Ferdowsi is an ideologist of Persian nationalism, Nizami is an ideologist of humanism,

humanity, justice and equality of all peoples and nations. However, this does not mean that Nizami is some kind of robot and has no national consciousness. As a living person, this is inherent in him as well. He takes as a “we” the group of people that Firdausi hates so much, i.e. the Turks. Nizami sympathizes with the Turks. “Sympathizes” is not the right word, he loves them, adores them, admires them; he praises their bravery, heroism, beauty, justice and splendor. But he does not compare the Turk with the Persian, and he does not try at the same time, praising the Turk, to humiliate, insult and defame the Persian. He simply emphasizes the special features of the Turk, and he does so in a childishly innocent way, as if the son were talking about the merits of his own father. If the son of a war hero speaks of his father’s exploits, what is wrong with that?

Nizami compares the beauty and splendor of nature with the Turk. The beautiful flower appears in the meadow as if the Turk is camping on a mountainside. The sun, rising from the east, proud and majestic, like a Turkic sultan, rises higher and higher in the sky, giving light and life to the whole world. For Nizami, the most beautiful land, the best country is Turkistan; the fairest ruler in the world is the Turkic ruler; if the Turkic ruler is not fair, he is not a Turk. If a Turk is beautiful, it must be so, because there is no such thing as an ugly Turk; if a woman of another nation is beautiful, it is because she resembles a

Turk; if some woman has beautiful eyes, smile and posture, it is so, because her eyes, smile and posture resemble those of a Turk... Turning to Iskander, he writes if you have conquered India and China, you are Turk in a Greek helmet (headdress); addressing the Muslim prophet Mohammed, he writes: you are so great and matchless, it is impossible that you were an Arab, you are Turk in Arab clothes (literally: you are Arab only in appearance, your whole essence is Turk)... – There is only one God in this list that Nizami would not compare with the Turk. And he did not do so only because his religion, Islam, does not permit comparing man to God.

If Nizami Ganjavi was a Persian, why doesn't he make all these comparisons, comparisons with a Persian? I think everything is very simple and clear. Since it is so, I will conclude this polemic. I quote from the famous orientalist Y. Marr: "The unchanging image of a Turk as a poetic symbol of female beauty; numerous aphoristic expressions, idiosyncratic turns of phrase of the Turkic (Azerbaijan) folk language, many direct indications and hints of the poet - all this denotes an Azerbaijani poet in Nizami, and shows the deep roots of his art. It is not without reason that representatives of the Persian intelligentsia, philologists admit that Nizami is not a Persian poet, he lived and worked in the Azerbaijani environment, and his poems are incomprehensible to the Persian.

